

УДК: 911.3

DOI: 10.35595/2414-9179-2023-1-29-34-54

В.С. Скачков¹, Д.В. Заяц^{2,3}

ДИНАМИКА РИСКОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ АРГЕНТИНЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

АННОТАЦИЯ

Целью данного исследования выступает оценка рисков пространственной дезинтеграции Аргентины, определение ее динамики (в период с 2006 по 2022 гг.) и движущих сил. Согласно применяемой методике, пространственная дезинтеграция проявляется в нарушении и разрушении системообразующих связей между административно-территориальными единицами 1-го порядка и определяются совокупностью факторов. Авторы выделяют 7 факторов пространственной дезинтеграции: исторический, социально-экономический, внутривластный, этнокультурный, транспортный, военно-стратегический и внешнеполитический, которые позволяют выявить риски дезинтеграции страны как системы в целом, так и выявить отдельные, наиболее выделяющиеся регионы. Проведенный анализ показал, что с 2006 г. по настоящее время для Аргентины риск пространственной дезинтеграции несколько увеличился, однако остается относительно низким на фоне других исследованных ранее латиноамериканских стран (Мексика, Венесуэла, Чили, Боливия). Ведущими факторами пространственной дезинтеграции Аргентины стали внутривластный и социально-экономический. Выявлены провинции с наибольшими рисками пространственной дезинтеграции. Это Сальта, Энтре-Риос, Огненная Земля, Неукен, Корриентес, Формоса, Рио-Негро и Мисьонес, которых можно разделить на «старых» и «новых дезинтегрантов» согласно динамике количества и качества факторов. Территориальный рисунок распределения рисков пространственной дезинтеграции за прошедшие 16 лет претерпел изменения: видно их увеличение для северных и северо-восточных приграничных провинций, а также поляризация Патагонии, заключающаяся в ослаблении рисков провинций Чубут и Санта-Крус и их усиление в Рио-Негро. Отмечается, что на основе имеющихся наработок по соседним странам есть смысл расширить пространство применения методики и исследовать пограничные регионы в Аргентине и Чили.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пространственная дезинтеграция, политическая турбулентность, Латинская Америка, территориальные диспропорции

¹ Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Географический факультет, Ленинские горы, д. 1, Москва, Россия, 119991,
e-mail: cccp271994@mail.ru

² Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Географический факультет, Ленинские горы, д. 1, Москва, Россия, 119991,
e-mail: ethnogeo@mail.ru

³ Московский педагогический государственный университет, Географический факультет, ул. Кибальчича, д. 16, Москва, Россия, 129626,
e-mail: ethnogeo@mail.ru

Vladislav S. Skachkov¹, Dmitriy V. Zayats^{2,3}

DYNAMICS OF THE RISKS OF SPATIAL DISINTEGRATION IN ARGENTINA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

ABSTRACT

The aim of this study is to assess the risks of the spatial disintegration of Argentina, the determination of its dynamics (from 2006 to 2022) and the driving forces. According to the methodology used, spatial disintegration is manifested in the violation and destruction of system-forming relations between administrative-territorial units of the 1st order and is funded by a set of factors. The authors distinguish seven factors of spatial disintegration: historical, socio-economic, domestic, ethnocultural, transport, military-strategic and foreign policy, which make it possible to identify the risks of the country's disintegration as a whole and to distinguish individual, most "implant" regions. The analysis showed that from 2006 to the present for Argentina, the risk of spatial disintegration increased slightly, but remains relatively low compare other previously studied Latin American countries (Mexico, Venezuela, Chile, Bolivia). The leading triggers of the spatial disintegration of Argentina were domestic political and socio-economic factors. The provinces with the greatest combination of risks were identified: Salta, Entre Rios, Tierra del Fuego, Neuquén, Corrientes, Formosa, Rio Negro, Misiones, which can be divided into "old" and "new disintegrators", according to the dynamics of the number and quality of factors. The territorial drawing of the distribution of disintegration risks over the past 16 years has undergone changes: their increase for the northern and north-eastern border provinces, as well as the polarization of Patagonia, consisting in weakening the risks of the province of Chubut and Santa Cruz and their strengthening in Rio Negro. It is noted that on the basis of existing developments in neighboring countries, it makes sense to expand the space of the methodology and explore the border heterogeneous regions in Argentina and Chile.

KEYWORDS: spatial disintegration, political turbulence, Latin America, territorial imbalances

ВВЕДЕНИЕ

Ввиду геополитических сдвигов последнего времени, проблематика усиления взаимодействия России с дружественными странами представляется крайне актуальной, особенно в плане поиска международных дипломатических партнеров, поставщиков товаров и услуг. Одним из регионов, потенциал взаимодействия которого с нашей страной чрезвычайно высок, является Латинская Америка. При этом следует признать, что в отечественной географической науке этот регион изучен слабее, чем близлежащие Европа, Азия и АТР.

Говоря о стратегическом партнерстве с латиноамериканскими государствами, следует выделить три крупнейшие экономики, которые входят в международную «Большую двадцатку» — Бразилию, Мексику и Аргентину. Взаимодействие России с частью из них уже происходит в рамках объединения БРИКС, членство в котором имеет Бразилия, а Аргентина недавно подала заявку⁴.

¹ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia, e-mail: cccp271994@mail.ru

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia, e-mail: ethnoge@mail.ru

³ Moscow State Pedagogical University, Faculty of Geography, 16, Kibalchicha str., Moscow, 129626, Russia, e-mail: ethnoge@mail.ru

⁴ Nota al Pie. Электронный ресурс: <https://www.notaalpie.com.ar/2022/09/08/argentina-solicito-formalmente-a-china-el-ingreso-a-los-brics/> (дата обращения 30.01.2023).

Между Аргентиной и Россией сложилось своеобразное «геополитическое понимание» после присоединения Крыма в 2014 г. Тогда аргентинский президент Кристина Киришнер подняла проблему принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов в западной прессе, указав на двусмысленность позиций западных политиков в вопросах легитимности проведения референдумов на территориях, которые являются предметом межгосударственного конфликта¹. От последующего санкционного противостояния России и Европейского союза сельское хозяйство Аргентины получило дополнительную выгоду².

В большинстве отечественных географических исследований Аргентина — федеративное государство с большим стажем развития — рассматривается без учета своей региональной структуры, которая скрывает сильные территориальные контрасты и диспропорции. Государственная политика, с одной стороны, способствует развитию одних частей страны, а с другой — провоцирует социально-экономическую депрессию других регионов. Подобная разность потенциалов генерирует как возможности (например, вследствие пространственной дифференциации внутреннего рынка товаров и услуг), так и риски пространственной дезинтеграции. Именно оценка рисков пространственной дезинтеграции — потенциальной возможности ослабления, нарушения и разрушения системообразующих связей между регионами государства — является целью данной работы. Запрос на проведение подобного исследования может исходить как изнутри системы (разработка региональной политики, поиск альтернативных точек роста частным капиталом), так и извне (выстраивание эффективного межгосударственного сотрудничества, развитие трансграничного партнерства, привлечение иностранных инвесторов).

Подобную тематику исследования сложно назвать популярной, поскольку пространственная дезинтеграция, как правило, понимается лишь через призму ее радикальных исходов, таких как зона распространения сецессии или возникновение неконтролируемой центральными властями территории (в частности — контролируемой нелегитимными и нелегальными группировками: наркокартелями, радикальными политическими формированиями). Рассматривая известную дихотомию А. Бьюкенена «революция или отделение?», можно сказать, что традиционно в Латинской Америке первое предпочитали второму, что выражается в частоте государственных переворотов [Бьюкенен, 2001].

Как правило, работы отечественных латиноамериканистов фокусируются на проблемах, которые являются хрестоматийными для стран региона. Среди них можно выделить:

- 1) экономическую нестабильность (высокая инфляция, необходимость структурных реформ, специализация на неэффективных отраслях);
- 2) смену векторов внутренней и внешней политики, политический «маятник» (в случае Аргентины: перонизм — киршнеризм/антикиршнеризм);
- 3) гипертрофия столичного региона в экономической, политической и культурной жизни страны, чрезмерная концентрация населения в Буэнос-Айресе.

В то же время нужно указать на специфические черты, присущие Аргентине:

- 1) федеративное политическое устройство (кроме Аргентины, в Латинской Америке федерациями являются Бразилия, Мексика и Венесуэла);

¹ El Cronista. Электронный ресурс: <https://www.cronista.com/economia-politica/Cristina-comparo-el-referendum-de-Malvinas-con-el-de-Crimea-20140319-0091.html> (дата обращения 30.01.2023).

² Sputnik. Mundo. Электронный ресурс: <https://sputniknews.lat/20150211/1034236114.html> (дата обращения 30.01.2023).

- 2) расовая композиция аргентинцев контрастирует с расовой структурой населения большинства стран региона: высокая доля белых, низкая доля индейцев и метисов [Lizcano, 2005].

Помимо сочетания типичного и оригинального, исследовательский интерес к Аргентине вызван большой площадью государства (2,8 млн км², 8-е место в мире), значительной протяженностью с севера на юг и как следствие — разнообразием природных ландшафтов и хозяйственной деятельности в их пределах.

Исследования по расчету рисков пространственной дезинтеграции уже были проведены авторами на примерах Венесуэлы, Мексики, Чили, Боливии и Эквадора [Скачков, Заяц, 2022 (а, б)]. Главной инновацией именно данного исследования по отношению к предыдущим будет введение в анализ не только географических, но и хронологических координат; оценка рисков будет проведена для двух этапов — 2006 и 2019–2022 гг. Первый временной отрезок выбран по совокупности причин: окончание «выздоровления» экономики страны от шоков дефолта начала века, наличие оценок по рейтингу недееспособности государств (Fragile State Index) и индексу демократии (Democracy Index). Границы второго этапа обусловлены наиболее достоверной статистической информацией перед началом пандемии коронавируса и экономических, а также внутривнутриполитических последствий.

Анализируя показатели указанных исследований, можно заключить, что позиция Аргентины по прошествии 16 лет (2006–2022) несильно изменилась в обоих рейтингах. Согласно Fragile State Index (FSI), который показывает, насколько государство способно контролировать свою территорию, Аргентина занимает 135–140-е места в мире (умеренная стабильность), а их абсолютные значения, несмотря на положительную динамику, изменились слабо¹. В Латинской Америке более «дееспособными» считаются Уругвай, Коста-Рика, Панама и Чили, т. е. в основном государства, которые являются небольшими по размеру экономики, населению и площади территории (даже Чили по площади меньше Аргентины почти в 4 р.). Серьезные перепады на графике можно отнести к эффекту низкой базы.

Поскольку FSI является интегральным показателем, включающим в себя индикаторы различных сфер, то в портрете страны отчетливо выделяется наиболее актуальный блок проблем — экономический. Если средний балл недееспособности государства в политической и социальной сферах, а также в показателе «сплоченности» — 4,0–4,5, то для экономики он поднимается до 7 в отдельных значениях.

По индексу демократии оценка Аргентины тоже изменялась слабо: 6,63 в 2006 г. и 6,81 в 2021 г. Занимая 50-е место в мире, в Латинской Америке Аргентина традиционно уступает лишь Чили, Уругваю и Коста-Рике, в последнее время приблизившись к Бразилии (которая, согласно рейтингу, потеряла после прихода к власти Ж. Болсонару)².

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Русскоязычные публикации, посвященные Аргентине и ее проблемам, в основном лишены регионального анализа. Специфика отдельных аргентинских провинций, как правило, выявляется слабо или не принимается в расчет. Мейнстрим для отечественных географов-латиноамериканистов — политические [Мартынов, 2020; Яковлев, Яковлева, 2020] и экономические исследования [Яковлев, 2018; Клещенко, Морайта, 2019], посвященные «типичным латиноамериканским» проблемам. Отдельно стоит упомянуть

¹ Fragile State Index. Электронный ресурс: <https://fragilestatesindex.org/country-data/> (дата обращения 30.01.2023).

² Economist Intelligence. Электронный ресурс: <https://www.eiu.com/n/solutions/viewpoint/political-and-economic-analysis/> (дата обращения 30.01.2023).

работы, касающиеся взаимодействия России и Аргентины, но опять же лишённые рассмотрения отдельно взятых административных единиц [Яковлева, 2019; Алексеева, Гореславский, 2020].

Ближе к исследуемой работе можно отнести статьи, выполненные непосредственно аргентинскими специалистами либо их коллегами из США и Западной Европы. Сложный вопрос, касающийся взаимодействия региональных политических и экономических элит между собой и национальным правительством, поднимается в работе Ж. Беренд и М. Бьянки. Выдвигается тезис, что развитые регионы с диверсифицированной экономикой требуют самого гибкого подхода со стороны национального правительства, поскольку экономические и политические элиты предпочитают сообща добиваться преференций для своих территорий. В развитых регионах экономические элиты сильнее и сплоченнее, поэтому руководства стран должны быть заинтересованы в продвижении своих креатур в управление крупнейшими частными компаниями для снижения внутривластных рисков. В то же время экономически отсталые регионы не рассматриваются как источники политических проблем [Behrend, Bianchi, 2017].

С предыдущей работой переключается статья Л. Гонсалеса и М. Назарено. Исследование посвящено региональной специфике социального расслоения, которое по-разному проявляет себя в провинциях с разной экономической специализацией. Авторы выдвигают гипотезу, согласно которой экономические предпосылки к консервации политических элит или возникновению динамичной конкурентной среды присущи территориям, где контроль со стороны государства был ослаблен ввиду слабой освоенности [González, Nazareno, 2021].

Сложные перипетии взаимоотношений между регионами в исторической ретроспективе представлены в работе Э. Гибсона и Т. Фаллетти. Авторы рассматривают федерализм как необходимый компромисс между политическими элитами провинций, несмотря на унитарность экономики и политики страны, которая с течением времени лишь усугублялась [Gibson, Falletti, 2007].

Еще одной междисциплинарной социально-экономической и политологической работой можно считать статью Э. Ньембро, М. Дондо и Х. Мартин Чивитарези. В исследовании утверждается, что четыре провинции с наихудшим социально-экономическим положением в 2000 г. — Мисьонес, Чако, Формоза и Сантьяго-дель-Эстеро по прошествии десятилетия лишь усилили отставание от остальных регионов. Авторы видят корень проблемы в ограниченных фискальных возможностях провинций, что лишь усиливает финансовое доминирование Буэнос-Айреса и способствуют большей территориальной и социальной поляризации страны [Niembro et al., 2016].

Попыткам децентрализации Аргентины посвящена работа О. Као и Ж. Вака. Авторы раскрывают слабые стороны процесса децентрализации, который плавно развивался с 1960-х гг. до 2001 г. При делегировании широких полномочий с национального уровня на региональный и муниципальный общество столкнулось с неэффективной работой местных властей, в т. ч. и при выполнении социальных обязательств. Исследователи утверждают, что усилия большей части региональных элит были направлены на консервацию власти в провинции, вызывая парадоксальную ситуацию, когда в национальное правительство попасть было легче, чем в региональное [Cao, Vaca, 2007].

К важным политико-географическим работам теоретического характера, инструментарий которых был использован в данном исследовании, можно отнести эволюцию территориально-политических систем и неконтролируемых территорий В.А. Колосова [1992], проблемы политической регионалистики Р.Ф. Туровского [2006], а также «теорию разломов» С. Роккана и С. Липсета [Rokkan, 1967].

Риск пространственной дезинтеграции — измеримая величина негативных последствий нарушения и разрушения системообразующих связей между регионами внутри государства. Математически эти риски представляют собой сумму рисков по отдельным факторам пространственной дезинтеграции, которых авторы выделяют 7: исторический, социально-экономический, внутривластный, этнокультурный, транспортный, военно-стратегический и внешнеполитический.

С одной стороны, применяемая методика позволяет произвести расчет гомогенности политического пространства государства, а также сопоставлять полученные значения с показателями других государств. С другой стороны, в процессе разбора каждого отдельного фактора проявляются регионы, являющиеся наиболее обособленными в пространстве всего государства. По логике исследователей, именно на них следует обратить внимание в первую очередь, поскольку вероятность возглавить процессы дезинтеграции в них выше.

Под регионом в исследовании понимается комплекс элементов геосистемы, включающий в себя природные и антропогенные ландшафты, а также население, проживающее и ведущее хозяйство в пределах данных территорий. Таксономически ранг «регион» в рамках исследования приравнивается к административно-территориальной единице 1-го порядка (т. е. провинции Аргентины) и является подсистемой пространства государства. Роль каждого отдельного фактора дезинтеграции и его вес определяется тем, насколько значительную долю населения он затрагивает в своем пространственном распределении. Чем больше населения напрямую затрагивает своей деятельностью тот или иной фактор пространственной дезинтеграции, тем он объективно важнее и для общества, и для государства.

Исходя из этого формула (1) расчета потенциальных рисков пространственной дезинтеграции для страны будет иметь следующий вид:

$$F = \frac{n}{N} \quad (1),$$

где F — вес отдельного фактора; n — суммарная численность населения, проживающего в единицах административно-территориального деления (АТД), подверженных риску пространственной дезинтеграции по данному фактору; N — общая численность населения в государстве.

Далее определяем общий риск пространственной дезинтеграции страны из выражения (2):

$$\Sigma = F_{И} + F_{СЭ} + F_{внутр.} + F_{Э} + F_{Т} + F_{ВС} + F_{внеш.} \quad (2),$$

где Σ — итоговый показатель риска пространственной дезинтеграции страны; $F_{И}$ — вес исторического фактора; $F_{СЭ}$ — вес социально-экономического фактора; $F_{внутр.}$ — вес внутривластного фактора; $F_{Э}$ — вес этнокультурного фактора; $F_{Т}$ — вес транспортного фактора; $F_{ВС}$ — вес военно-стратегического фактора; $F_{внеш.}$ — вес внешнеполитического фактора.

Табл. 1. Параметризация факторов пространственной дезинтеграции для стран Латинской Америки
Table 1. Parameterization of spatial disintegration factors for Latin America's countries

Фактор	Проявление фактора	Параметры, позволяющие оценить действие фактора
Исторический	Опыт сецессии или автономного существования региона в прошлом	Число лет автономии и/или фактической независимости региона
Социально-экономический	Неравномерность развития человеческого потенциала в АТЕ	Верхний и нижний квартили по значениям ИЧР среди единиц АДД первого порядка
Внутриполитический	Различие в электоральных предпочтениях населения региона на общегосударственных выборах по сравнению со средними значениями в государстве	Отклонение в доле голосов за победившего кандидата (партию) от среднего значения по стране. Число избирательных кампаний, в которых победила оппозиция
Этнокультурный	Отличие этнорасовой композиции региона от всего государства	Отклонение в доле основных этнорасовых групп в регионе от их средней доли в стране
Транспортный	Затруднение устойчивого всепогодного сообщения с другими регионами	Число сухопутных транспортных связей (автомобильных и железных дорог, трубопроводов) с соседними регионами страны
Военно-стратегический	Присутствие военного контингента и военной инфраструктуры в пределах региона	Балльная оценка сформированности военной инфраструктуры в регионе
Внешнеполитический	Влияние на население и политическую повестку региона зарубежных акторов	Балльная оценка величины внешнего влияния: 3 балла присваивается АТЕ с наибольшим значением плотности пограничных переходов (ПП), 2 балла — АТЕ, занимающим 2–3-е места по этому показателю, 1 балл — остальным, имеющим ПП Дополнительные баллы: 3 балла — АТЕ с самыми высокими значениями прямых иностранных инвестиций (ПИИ), 2 балла — регионам, где объемы ПИИ выше среднего по стране, 0,5 балла — АТЕ-аутсайдеру; 3 балла за наличие военных баз зарубежных стран; при наличии официальных территориальных притязаний на АТЕ со стороны соседней страны получившаяся сумма баллов удваивается

Новые возможности для просчета рисков пространственной дезинтеграции открыли широко используемые ныне ГИС-технологии. Во-первых, произошло облегчение генерации базы данных показателей, значимых для выявления рисков пространственной дезинтеграции. Подсчет числа транспортных выходов за территорию региона, протяженности внешних границ, площадей, занятых военной инфраструктурой, становится более легкой задачей. Во-вторых, ГИС позволяют выявить регионы, непохожие на другие, своеобразные девиации, несущие угрозу развитию страны. В-третьих, средствами ГИС возможно визуализировать динамику рисков пространственной дезинтеграции регионов, отмечать воодушевляющие или же, наоборот, тревожные сдвиги в их распределении.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исторический фактор

Прежде чем перейти к анализу каждого из факторов дезинтеграции, следует учесть важную особенность территориальных диспропорций в Аргентине. Гипертрофированная концентрация населения и экономического потенциала всего лишь в четырех АТЕ 1-го порядка (Автономный город Буэнос-Айрес, провинции Буэнос-Айрес, Санта-Фе и Кордова), приводит к тому, что значительная часть исторически определяющих событий происходила именно в пределах данного, наиболее значимого для страны ареала.

Здесь следует оговорить ряд моментов. Во-первых, в исследовании учитывались примеры «выпадания» территорий из политического поля государства, начиная с конца 1826 г., когда бывшими провинциями вице-королевства Ла-Плата была принята конституция. Во-вторых, следует различать государственный переворот и примеры пространственной дезинтеграции. Упрощая, можно сказать, что переворот ослабляет все государство в равной мере, без дифференциации по отдельным регионам. Однако в случае мятежа, который не сопровождался государственным переворотом, данная логика не работает: центральная власть на какое-то время утрачивает контроль над частью территории, т. е. управляется с формальной точки зрения нелегитимными политическими силами. В-третьих, далеко не каждая забастовка или стачка является примером пространственной дезинтеграции: рабочие могут остановить производство, но при этом не нарушать связи внутри государства. Пространственная дезинтеграция в Аргентине больше присуща позапрошлому, нежели прошлому столетию. Со временем повышалась мобильность факторов производства, а также формировались политические институты, поэтому протест из политической сферы медленно дрейфовал в сторону экономической, а противостояние между правительством и бунтующими принимало зачастую отраслевой, экстерриториальный характер (пример: забастовка аргентинских железнодорожников в 70–80-е гг. XX в.). Подобные процессы были свойственны и другим странам Латинской Америки [Альперович, Слезкин, 1991; Строганов, 2023].

Социально-экономический фактор

Как уже указывалось, территориальная структура хозяйства Аргентины моноцентрична. На долю провинций, находящихся в эстуарии Ла-Платы, приходится $\frac{2}{3}$ ВВП страны и почти 60 % населения¹. Однако если рассматривать не только экономическую составляющую Индекса человеческого развития, но и социальную, то подобные контрасты несколько сглаживаются.

Несмотря на то, что оценка ИЧР производится ежегодно, после 2016 г. значения для АТЕ 1-го порядка многих стран (в т. ч. и РФ) предоставляются лишь в территориально агрегированном виде, на промежуточном таксономическом ранге между всем государством и АТЕ 1-го порядка. Поэтому для выявления динамики значения приведены на 2006 и 2016 гг.

¹ El Economista. Электронный ресурс: <https://eleconomista.com.ar/economia/en-pba-caba-genera-mas-50-pib-nacional-n16291> (дата обращения 30.01.2023).

В 2006 г. в верхнем квартиле по уровню ИЧР (значение более 0,832 при среднем 0,804 по стране) находились четыре АТЕ: Неукен (0,832), Санта-Крус (0,837), Огненная Земля (0,850), расположенные на юге страны, а также столица (0,861)¹. Все эти южные регионы — экспортоориентированные за счет добычи углеводородов и развития туризма, а столица — за счет небольшой площади, агломерационного эффекта, локализации крупнейших компаний и роли главного торгово-промышленного хаба (узла в сети) в стране. Провинциям Санта-Крус и Огненная Земля статистическую фору дает небольшая численность населения (366 тыс. и 173 тыс. чел. соответственно). Буэнос-Айрес в этом плане тоже создает свой статистический парадокс: столичная агломерация имеет население свыше 17 млн чел., но основная ее часть лежит в пределах одноименной провинции (14 млн)².

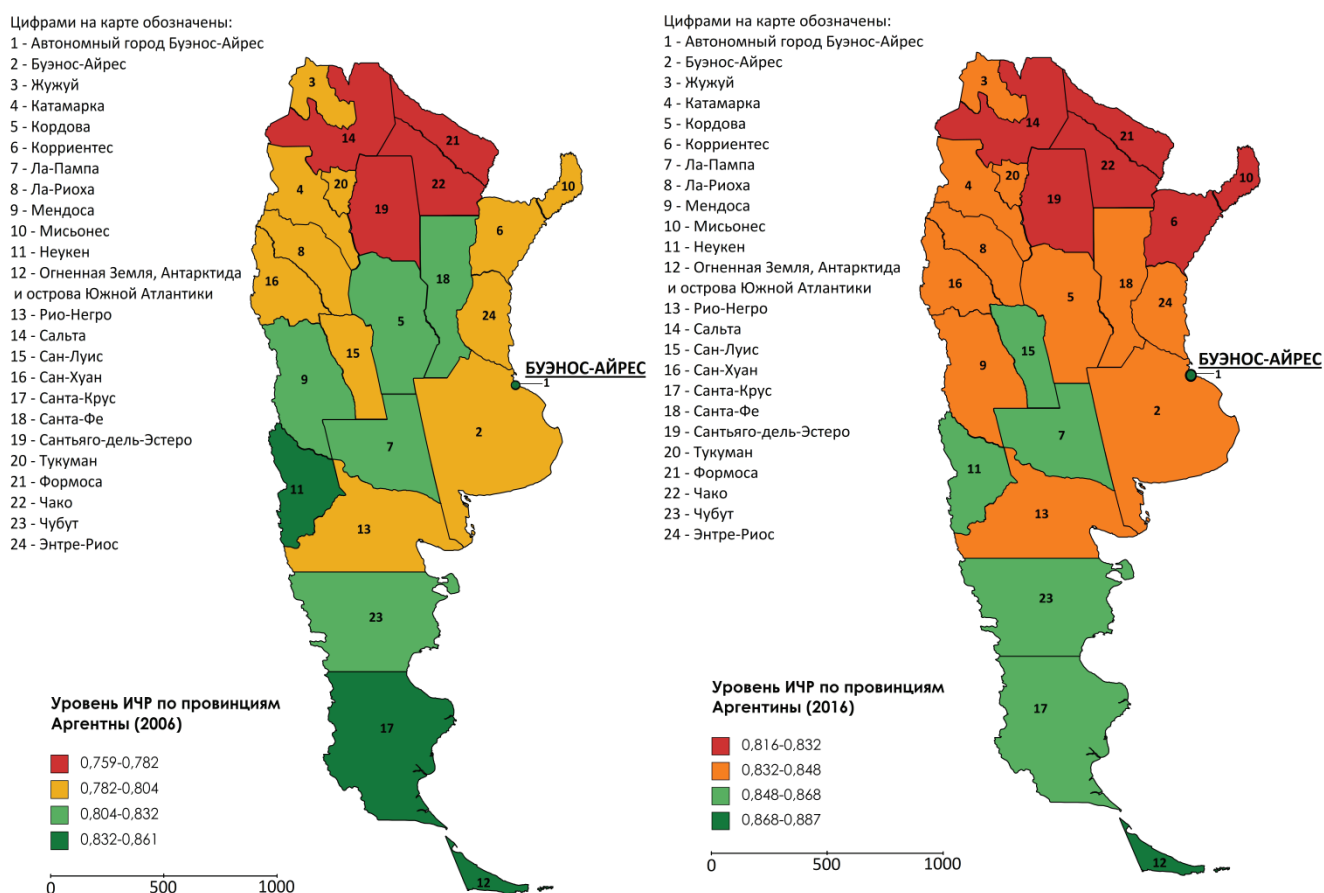

Рис. 1. Индекс человеческого развития по провинциям Аргентины в 2006 и 2016 гг.
Fig. 1. Human development index by provinces of Argentina in 2006 and 2016

Нижний квартиль включал в себя все регионы со значением ИЧР ниже 0,782 (при среднем 0,804 по стране). В эту когорту попали провинции Сальта (0,781), Чако (0,777), Сантьяго-дель-Эстеро (0,770) и Формоса (0,759), расположенные диаметрально противоположно от наиболее благополучных регионов, т. е. на севере. Население в этих регионах занято сельским хозяйством и переработкой сельскохозяйственного сырья (производство вин, сахара), отчасти лесозаготовкой и текстильной промышленностью. Этим видам экономической деятельности свойственна относительно малая

¹ Global Data Lab. Электронный ресурс: <https://globaldatalab.org/shdi/> (дата обращения 30.01.2023).

² Instituto Geografico Nacional. Электронный ресурс: https://www.ign.gov.ar/Nuestras_Actividades/Geografia/DatosArgentina/DivisionPolitica (дата обращения 30.01.2023).

производительность труда, они создают товары с низкой добавленной стоимостью. Продукция сельскохозяйственных провинций ориентируется во многом на местные рынки, в этом регионе широко представлена теневая экономика; значительна роль государственного сектора в структуре занятости населения.

К 2016 г. картина несколько изменилась. Граница верхнего квартиля сместилась до 0,867 (при средней по стране величине ИЧР 0,848), и этот порог проходили лишь Огненная Земля (0,887) и столица страны (0,885). Эти два региона по значениям сильно оторвались от всех остальных (стоит отметить, что в 2016 г. неожиданно на третье место вышла провинция Чубут с показателем 0,863). В обоих регионах драйверами роста являются экспортоориентированные отрасли экономики, а также туризм.

Среди аутсайдеров социально-экономического развития (граница нижнего квартиля — 0,832) ситуация выглядит иным образом: их число за 10 лет увеличилось. В 2016 г. к регионам с пониженным уровнем ИЧР можно было отнести провинции Чако (0,816), Сантьяго-дель-Эстеро (0,817), Формоса (0,822), Корриентес (0,825), Мисьонес (0,829) и Сальта (0,830). Пополнившие этот список провинции Корриентес и Мисьонес также расположены на севере страны и специализируются преимущественно на сельском хозяйстве (производство чая и табака).

Исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод о том, что социально-экономическая поляризация Аргентины за прошедшие десятилетия только нарастала: полюса максимального роста сохранились лишь в двух регионах, в то время как список депрессивных регионов увеличился, и главное — не претерпел изменений, т. е. происходила консервация отсталости. Рост внешнего долга, разгон инфляции, особенности рынка труда и действия профсоюзов привели к увеличению доли бедного населения (36–43 % по национальному порогу)¹. В условиях ухудшающейся экономической конъюнктуры увеличение числа неблагополучных и уменьшение числа процветающих в социально-экономическом плане регионов выглядит закономерным².

Внутриполитический фактор

Решающими в борьбе за пост главы государства и состав федерального парламента являются исходы кампаний в лидирующих по численности избирателей регионах — столице и провинциях Буэнос-Айрес, Кордова и Санта-Фе. Остальные 20 провинций, даже в случае консолидированной поддержки своего кандидата или партии, вряд ли смогут навязать острую политическую борьбу регионам ядра.

Несколько утрируя, можно заключить, что политическая история Аргентины со времен правления Х.Д. Перона — это двухпартийное противостояние основанной Пероном Хустисиалистской партии и Радикального гражданского союза. Разумеется, речь идет лишь о периодах, когда проводились свободные выборы, поскольку за последние десятилетия военная хунта управляла страной в периоды 1955–1958, 1966–1973, 1976–1983 гг.

В рамках исследования для оценки рисков пространственной дезинтеграции по внутриполитическому фактору на 2006 г. будут использоваться данные предыдущих трех президентских кампаний (1995, 1999, 2003). В 1994 г. была принята конституционная реформа, главные положения которой касаются сроков избрания главы государства (теперь он мог переизбираться второй раз), а также вводилось прямое избирательное право (до этого было косвенное).

¹ Biblio Chile. Электронный ресурс: <https://www.biobiochile.cl/noticias/internacional/america-latina/2022/12/06/argentina-43-de-las-personas-esta-bajo-la-linea-de-la-pobreza-y-un-8-es-indigente-segun-estudio.shtml> (дата обращения 30.01.2023).

² Instituto Geografico Nacional. Электронный ресурс: <https://www.indec.gov.ar/indec/web/Nivel4-Tema-4-46-152> (дата обращения 30.01.2023).

В 2001 г. разразился экономический кризис, который быстро перетек в политическую сферу («Аргентинасо»). В это время в стране сменилось сразу несколько лидеров, которые по статусу были наделены полномочиями главы государства, а основные избирательные настроения сводились к тезису: «Пусть убираются все!» [Яковлева, 2014]. Поэтому расчеты отклонений электоральных предпочтений от среднего по стране следует принимать с некоторыми оговорками.

Оппозиционные настроения сильнее всего были выражены в столице: Автономный город Буэнос-Айрес в среднем на 20,7 процентных пунктов (п. п.) отличался от совокупного результата выборов по стране. Наоборот, «гиперлояльными» центру можно считать провинции Чубут (30), Санта-Крус (30,8), Сан-Луис (37,8) и Ла-Риоха (50,1).

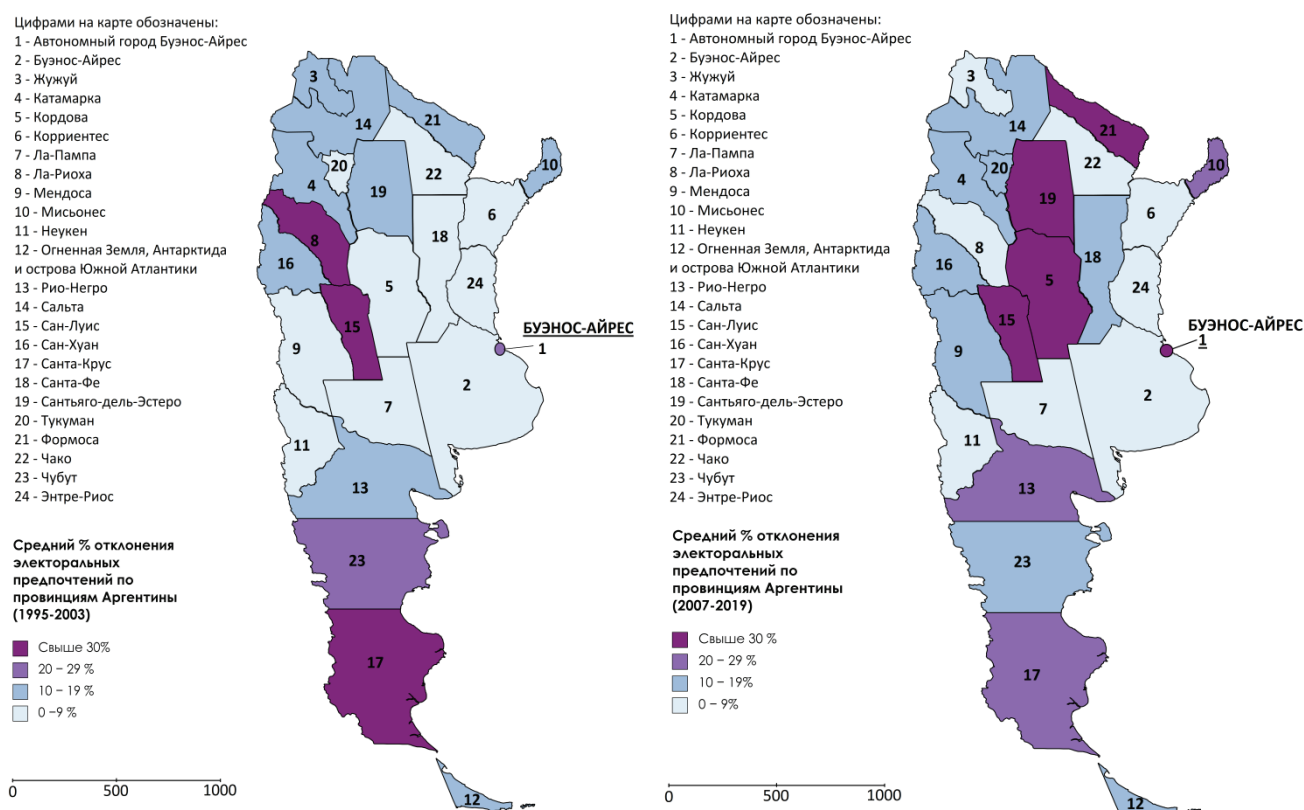

Рис. 2. Среднее отклонение электоральных предпочтений населения провинций Аргентины
Fig. 2. The average deviation of electoral preferences of the population of the provinces of Argentina

В 2003 г. к власти в стране пришел Нестор Киршнер, который взял курс на реставрацию перонизма, а продолжателем его дела стала супруга — Кристина Киршнер. Важные штрихи внутривнутриполитической повестки в этот период рассматривались в русскоязычных СМИ¹. Однако в 2015 г. избиратели Аргентины простимулировали «правый дрейф», к власти пришел М. Макри, при котором набравший ход при Киршнерах экономический кризис лишь усилился. В 2019 г. хустисиалисты вновь победили: де-юре президентский пост занял А. Фернандес, но эксперты и избиратели убеждены, что до сих пор рычаги управления сконцентрированы в руках Кристины Киршнер (ее супруг Нестор умер в 2010 г.).

¹ Например, «Ведомости». Электронный ресурс: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2022/09/05/939114-isipitanic-ognem> (дата обращения 30.01.2023).

После 2006 г. прошли еще четыре избирательных кампании: 2007, 2011, 2015 и 2019 гг. Наиболее лояльными центральному правительству провинциями можно назвать прежде всего бедные регионы — Формоса (отклонение 31,5 п. п. от средних результатов по стране), Мисьонес (21,1), Рио-Негро (21,7), Сантьяго-дель-Эстеро (46 п. п.), а также провинцию Санта-Крус. Последняя является экономически относительно процветающим регионом и в 2006 г. входила в группу «хустисиалистских» провинций.

Город Буэнос-Айрес лишь усилил свои оппозиционные настроения: отклонение от средних результатов выборов по стране теперь составляют 31 п. п. Перешли в стан оппозиции и избиратели Сан-Луиса, предпочтения которых отличаются на 43 п. п., а также Кордовы (отклонение 37,3 п. п.).

Как можно заметить, поляризация регионов Аргентины происходила не только по уровню социально-экономического развития, но и по электоральным предпочтениям. «Дрейфующие» во внутриполитическом ландшафте регионы свидетельствуют, с одной стороны, об эволюции политической культуры, а с другой — о потенциальных угрозах политической турбулентности.

Этнокультурный фактор

На фоне большинства латиноамериканских государств, в культуре и социуме которых ярко выражен индейский компонент, Аргентина представляет собой «белую ворону». Согласно переписи населения 2010 г., 96 % аргентинцев идентифицируют себя как «бланкос» («белые»), в то время как к коренным народам причисляют себя всего 2,4 % (например, в соседней Чили — 13 %). С одной стороны, может показаться, что на фоне экономических и политических проблем вопросы расовой сегрегации в стране не так актуальны, как, например, в Бразилии, Мексике или странах Андского региона. С другой стороны, коренными американцами считают себя почти 1 млн чел., многие из которых убеждены, что «индейский вопрос» сознательно игнорировался на высшем уровне вплоть до конца XX в.¹ [Munoz, 2020].

Зарубежные исследования, связанные с рассмотрением проблем индейского населения в Аргентине, в большинстве своем сводятся либо к социокультурным, либо к экономическим аспектам. В первом случае анализируются вопросы с получением образования индейцами, а также пренебрежительное отношение и стигматизация со стороны «белых» аргентинцев [Ossola, 2020; Ungaretti et al., 2020]. Во втором случае рассматривается сложный вопрос, связанный с разработкой природных ресурсов на территориях, которые имеют не только хозяйственное, но и культурное (сакральное) значение для индейцев [Hogenboom, 2015; Savino, 2016; Iñigo, 2020]. Стоит отметить, что аналогичные проблемы встречаются практически во всех странах Латинской Америки вне зависимости от доли коренного населения.

К сожалению, имеющиеся данные переписи 2001 г. не позволяют качественно оценить долю коренного населения по провинциям Аргентины. В официальной статистике указывалось их распределение по группам провинций, а не каждой АТЕ в отдельности.

В 2010 г. Национальный институт статистики и переписей зафиксировал рост численности индейцев — как в абсолютном, так и в относительном исчислении: 955 тыс. против 600 тыс. в 2001 г. и 2,4 % против 1,4 %. Также были уточнены данные о доле коренных народов в населении каждой из провинций. Наиболее «индейскими» оказались провинции Чубут (8,5 %), Неукен (7,87 %), Жужуй (7,81 %), Рио-Негро (7,1 %), Сальта (6,52 %), Формоса (6,08 %). Провинции, где доля индейцев в 2 р. меньше, чем в среднем по стране: Корриентес (0,52 %), Энтре-Риос (1,06 %), Сан-Хуан (1,17 %), Ла-Риоха и Мисьонес

¹ International Work Group for Indigenous Affairs. Электронный ресурс: <https://www.iwgia.org/en/argentina> (дата обращения 30.01.2023).

(по 1,18 %). Анализируя пространственное распределение, а также особенности процессов воспроизводства индейского населения, можно предположить, что география наиболее и наименее индейских территорий за это время поменялась слабо.

Подобное распределение коренных народов согласуется с историко-географическим фоном Аргентины. Белое население страны — потомки иммигрантов из Европы, которые прибывали в Буэнос-Айрес и оседали в основном в Пампе (правобережье Параны) или аргентинском Междуречье (левобережье Параны). Индейцы преимущественно жили в предгорьях Анд на северо-западе страны и в Патагонии.

Резюмируя, можно отметить, что роль индейского населения во внутриполитической повестке невелика, особенно в сравнении с соседними странами. В отличие от Чили, где мапуче являются силой, которая обладает высоким протестным потенциалом, в наиболее «индейских» (учитывая скромную долю в населении) аргентинских провинциях обсуждаются лишь вопросы природопользования^{1,2}.

Транспортный фактор

Несмотря на концентрацию экономического потенциала и населения в Пампе и Междуречье, В. Дубовик [2014] относит Аргентину к странам с относительно равномерным транспортным покрытием территории. Успехов в транспортном освоении страна достигла уже достаточно давно, поэтому различия между 2006 г. и настоящим временем минимальны.

Безусловно, доступность городов — узлов транспортной системы в центре и на севере государства выше, чем на юге. Однако, анализируя топологию сухопутных транспортных коммуникаций, можно прийти к выводу, что только провинция Огненная Земля ввиду островного положения не имеет автомобильного или железнодорожного сообщения с остальными регионами страны.

Военно-стратегический фактор

Данный фактор, как и транспортный (с которым он тесно связан), можно считать относительно инерционным. В аргентинских условиях сверхцентрализации экономики и населения в пределах столичной агломерации и двух соседних провинций не следует ожидать значительных территориальных сдвигов воинских контингентов и военной инфраструктуры.

Последним выходцем из вооруженных сил, который занимал высший пост в Аргентине, был Р. Биньоне, которого отстранили от власти в 1983 г. После этого и по сегодняшний день руководители страны — гражданские. Вооруженные силы и военно-промышленный комплекс Аргентины развивались неравномерно во времени: при военной хунте доля расходов на оборону от ВВП достигала 8 %, а в 1980–1990-е гг. происходила тотальная демилитаризация и приватизация активов ВПК. Когда экономика оправилась от кризиса в начале XXI в., а внутриполитическая обстановка стабилизировалась, армия и ВПК начали модернизоваться, что привело к расширению их бюджетов. Более подробно аспекты развития военной индустрии в стране рассмотрены российскими исследователями [Пятаков, 2015; Корольков, Русакова, 2018].

Пространственное размещение военного контингента Аргентины представлено в «Белой книге обороны». Анализируя эти открытые данные, можно прийти к выводу, что сухопутные вооруженные силы страны представлены во всех провинциях, базы военно-морского флота — в провинциях Буэнос-Айрес, Огненная Земля, Чубут и городе Буэнос-

¹ INDEC. Encuesta Complementaria de Pueblos Indígenas (ECPI) 2004–2005.

² INDEC. Электронный ресурс: http://www.estadistica.sanluis.gov.ar/estadisticaWeb/Contenido/Pagina148/File/LI BRO/censo2010_tomo1.pdf (дата обращения 30.01.2023).

Айрес, а подразделения ВВС — в провинциях Буэнос-Айрес, Энтре-Риос, Санта-Фе, Мендоса, Чубут, Сан-Луис.

Подобное размещение увязывается с относительно равномерной транспортной доступностью территории страны и плотностью населения: в провинциях, на долю которых приходится большинство жителей страны, список размещенных военных подразделений гораздо обширнее, чем в Патагонии или на северо-западе. Здесь же сосредоточены главные предприятия военно-промышленного комплекса.

В своей работе А. Пятаков [2015] упоминает о таких компаниях, как CINAR (судоверфь в провинции Буэнос-Айрес), Fabrica Argentina de Aviones (авиастроительная корпорация, которая имеет завод в Кордове), La Direccion General de Fabricaciones Militares (концерн, занимающийся производством стрелкового оружия и боеприпасов и обладающий производственными площадками в Санта-Фе, Кордове и Буэнос-Айресе).

Таким образом, можно сделать вывод, что под наибольшим силовым контролем центрального правительства находятся провинции Буэнос-Айрес, Кордова и Санта-Фе, автономный город Буэнос-Айрес; лагун в военно-политическом плане на территории страны обнаружить не удалось¹.

Внешнеполитический фактор

В отличие от остальных факторов пространственной дезинтеграции, внешнеполитический включает в себя три составляющих: плотность пограничных пропускных пунктов, наличие вооруженного контингента зарубежной страны, показатель накопленных прямых иностранных инвестиций на душу населения.

Внешнеполитический фактор неоднороден: если плотность погранпереходов можно считать относительно инерционным показателем, слабо меняющимся со временем, то, например, динамика инвестиционных потоков относительно непостоянна.

Протяженная аргентинская сухопутная граница (11 968 км) насчитывает, по разным данным, 72–75 пропускных пунктов. Наибольшая плотность погранпереходов регистрируется в провинции Рио-Негро — 1,76 на 100 км границы (3 балла в рейтинге). Значительно выше средней плотности (0,65 на 100 км) показатели провинций Энтре-Риос, Мисьонес, Сальта, Ла-Риоха, Мендоса, Неукен и Чубут (по 2 балла). Остальные провинции, которые выходят к границе и имеют пункты пропуска, оценены в 1 балл (Корриентес, Формоса, Жужуй, Катамарка, Сан-Хуан, Санта-Крус и Огненная Земля)².

Относительно размещения иностранного военного контингента по территории Аргентины информация неполная и противоречивая. В ряде СМИ в 2018 г. появилась информация, что Южное командование ВС США займется строительством гуманитарных баз в аргентинских провинциях Неукен, Мисьонес и Огненная Земля^{3,4,5}. Это можно связать с интересами крупных американских корпораций, которые формируют инфраструктурные сооружения «для борьбы со стихийными бедствиями» в районах добычи стратегически важных полезных ископаемых: нефти, лития и др. Авторы исследования считают обоснованным присвоить указанным провинциям по 2 балла из максимальных 3, чтобы отметить их потенциальную уязвимость.

¹ Libro Blanco de la Defensa 2015. Argentina, 2015. Despliegue detallado de las Fuerzas Armadas.

² Argentina gobierno. Электронный ресурс: <https://www.argentina.gob.ar/seguridad/pasosinternacionales> (дата обращения 30.01.2023).

³ El Megafono. Электронный ресурс: <https://elmegafono.net/4489/2018/07/20/> (дата обращения 30.01.2023).

⁴ Extermo Sur de la Patagonia. Электронный ресурс: <https://www.elextremosur.com/nota/el-comando-sur-en-neuquen-merodeando-las-gigantes-reservas-de-vaca-muerta/> (дата обращения 30.01.2023).

⁵ Noticias de America Latina y el Caribe. Электронный ресурс: <https://www.nodal.am/2018/08/bases-extra-njeras-en-argentina-es-el-imperialismo-divide-y-reina-por-carlos-leiggenger/> (дата обращения 30.01.2023).

Табл. 2. Итоговые расчеты рисков пространственной дезинтеграции для АТЕ Аргентины
Table 2. Final calculations of risks of spatial disintegration for the provinces of Argentina

Фактор	2006 г.				2016–2022 гг.			
	АТЕ	Численн. населения (тыс. чел.)	Доля от населения страны (%)	Вес фактора	АТЕ	Численн. населения (тыс. чел.)	Доля от населения страны (%)	Вес фактора
Исторический	Автономный город Буэнос-Айрес, Буэнос-Айрес, Корриентес, Санта-Фе, Энтре-Риос, Тукуман, Сан-Луис, Мендоса, Кордова	30 867	77	0,77	Автономный город Буэнос-Айрес, Буэнос-Айрес, Корриентес, Санта-Фе, Энтре-Риос, Тукуман, Сан-Луис, Мендоса, Кордова	34 614	76	0,76
Социально-экономический	Лидеры: Автономный город Буэнос-Айрес, Неукен, Санта-Крус, Огненная Земля Аутсайдеры: Сальта, Чако, Формоса, Сантьяго-дель-Эстеро	7 515	19	0,19	Лидеры: Огненная Земля, Автономный город Буэнос-Айрес Аутсайдеры: Сальта, Чако, Формоса, Сантьяго-дель-Эстеро, Корриентес, Мисьонес	9 844	22	0,22
Внутриполитический	«Лоялисты»: Санта-Крус, Ла-Риоха, Чубут, Сан-Луис Оппозиция: автономный город Буэнос-Айрес	4 439	11	0,11	«Лоялисты»: Формоса, Мисьонес, Рио-Негро, Санта-Крус, Сантьяго-дель-Эстеро Оппозиция: автономный город Буэнос-Айрес, Кордова, Сан-Луис	11 303	25	0,25
Этнокультурный	Индийские провинции: Чубут, Неукен, Жужуй, Рио-Негро, Сальта, Формоса Неиндейские: Корриентес, Энтре-Риос, Сан-Хуан, Ла-Риоха, Мисьонес	8 462	21	0,21	Индийские провинции: Чубут, Неукен, Жужуй, Рио-Негро, Сальта, Формоса Неиндейские: Корриентес, Энтре-Риос, Сан-Хуан, Ла-Риоха, Мисьонес	9 774	22	0,22
Транспортный	Огненная Земля, Неукен, Энтре-Риос, Сальта	3 128	8	0,08	Огненная Земля, Неукен, Энтре-Риос, Сальта	3 648	8	0,08
Военно-стратегический	Катамарка, Рио-Негро	1 007	3	0,03	Катамарка, Рио-Негро	1 163	3	0,03
Внешне-политический	Неукен, Огненная Земля, Рио-Негро, Санта-Крус	1 591	4	0,04	Неукен, Огненная Земля, Рио-Негро, Мисьонес	2 648	6	0,06
ИТОГО				1,43				1,62

К сожалению, данных по прямым иностранным инвестициям в Аргентине в региональном разрезе обнаружить не удалось. По устаревшим работам можно установить, что в середине 2000-х гг. наиболее привлекательными для иностранных инвестиций считались богатые сырьевые провинции — Неукен, Санта-Крус и Огненная Земля (начислено по 3 балла каждой)¹. Однако с того момента инвестиционная конъюнктура изменилась, что нашло выражение в росте инфляции, дефиците бюджета, ограничении заимствований на внешнем рынке ввиду угроз дефолта и падением страны в рейтинге легкости ведения бизнеса (с 77-го места в 2006 г. до 126-го в 2020 г.)². Казалось бы, ПИИ должны были серьезно сократиться, однако данные показывают, что они росли до 2013 г., затем наблюдался спад в 2014–2016 гг., и новый приток капитала происходил до 2019 г., после чего наступило серьезное затишье. Главной причиной этого, скорее всего, стало сворачивание экономической активности на фоне пандемии³.

Следует ожидать высоких душевых значений иностранных инвестиций в богатые ресурсные регионы: нефтяные Санта-Крус, Неукен и Огненную Землю, а также литиевые Сальту и Жужуй. Большие значения будут характерны и для города Буэнос-Айрес, главных «ворот» страны в окружающий мир.

Территориальных споров на общепризнанной территории Аргентины в данный момент не зафиксировано. Здесь следует принять во внимание исход Фолклендского вооруженного конфликта (победа Великобритании), а также амбиции Аргентины в закреплении права на некоторую часть Антарктиды, которые пока носят более декларативный и демонстративный характер.

Таким образом, по внешнеполитическому фактору пространственной дезинтеграции наиболее уязвимыми являются провинции Неукен (4 балла в 2006 г. и 5 баллов в 2022 г.), Огненная Земля (4 и 4 балла), Мисьонес (2 и 4 балла).

ВЫВОДЫ

Общий риск пространственной дезинтеграции Аргентины увеличился за 16 лет с 1,43 до 1,62. По сравнению с другими государствами Латинской Америки, которые были проанализированы при помощи данной методики, риски пространственной дезинтеграции страны невелики. На вторую половину 2010-х гг. риск пространственной дезинтеграции Чили составлял 1,85, Мексики — 2,23, Венесуэлы — 2,3, Боливии — 3,17. Исключением является относительно гомогенный Эквадор с риском 1,34.

Отчасти полученные результаты совпадают с трендами, обозначенными в Рейтинге недееспособности государств: согласно этим данным, Аргентина достаточно стабильна, хотя и несколько утратила свои позиции на фоне некоторых государств мира. Впрочем, в Латиноамериканском регионе Аргентина составляет категорию «благополучных» стран, наряду с Коста-Рикой, а также соседними Уругваем и Чили.

В итоговом риске пространственной дезинтеграции Аргентины высока доля социально-экономического и внутривнутриполитического факторов. Структурные проблемы аргентинской экономики теперь усиливаются макроэкономическими шоками, связанными с пандемией и геополитической неопределенностью в Евразии. Подобный альянс внешних и внутренних проблем отражается и на уровне социально-экономического развития регионов страны: главными бенефициарами роста стали столица и малозаселенная Огненная Земля, живущая за счет экспорта энергоресурсов и туризма. В то же время,

¹ Infrastructure and the Location of Foreign Direct Investment a Regional Analysis, 2007.

² The World Bank. Электронный ресурс: <https://www.worldbank.org/en/programs/business-enabling-environment> (дата обращения 30.01.2023).

³ Trading Economics. Электронный ресурс: <https://tradingeconomics.com/argentina/foreign-direct-investment> (дата обращения 30.01.2023).

Неукен и Санта-Крус замедлили темпы экономического роста, а хронически отстающие северные провинции не успевают даже за общегосударственными трендами.

Не стоит упускать из внимания и динамичную внутривластную обстановку. Администрации К. Киршнер и ее последователя А. Фернандеса пока не смогли предложить проработанного плана действий по выводу страны из экономического кризиса, и сложно предположить, сможет ли популизм обеспечить победу Frente de Todos на предстоящих президентских выборах осенью 2023 г. Пока можно с уверенностью сказать, что достаточно бедные провинции отличаются повышенной лояльностью режиму: провинции Мисьонес, Формоса, Рио-Негро дают на 20–30 п. п. выше результат за коалицию перонистских и киршнеристских партий, чем в среднем по стране.

Анализируя динамику рисков пространственной дезинтеграции отдельных регионов, нельзя не отметить некоторые особенности. В рамках используемой методики обычно выделяются АТЕ 1-го порядка, которые сочетают 3 и более факторов пространственной дезинтеграции. В случае Аргентины их 9 и их можно разделить на 2 группы:

- 1) «Традиционные» регионы-дезинтегранты. К этой категории принадлежат провинции Сальта (высокие риски дезинтеграции по социально-экономическому, этнокультурному, транспортному факторам), Энтре-Риос (исторический, этнокультурный, транспортный), Автономный город Буэнос-Айрес (исторический, социально-экономический, внутривластный), Неукен (этнический, транспортный, внешнеполитический), Огненная Земля (социально-экономический, внешнеполитический и транспортный факторы). Главное их отличие — это сохранение и количественной, и качественной составляющих рисков, отсутствие изменений в природе рисков с 2006 г., за исключением провинции Неукен, которая к настоящему времени перестала входить в состав регионов — «локомотивов» развития по показателю ИЧР. Следует отметить, что риски по историческому и транспортному факторам являются относительно инертными.
- 2) «Новые» регионы-дезинтегранты, преимущественно сосредоточенные на северо-востоке страны (кроме Рио-Негро). Сюда относятся Корриентес (к высоким рискам по историческому и этнокультурному факторам добавился риск по социально-экономическому), Формоса (социально-экономический, этнокультурный, плюс внутривластный к настоящему времени), Рио-Негро (к внешнеполитическому, этнокультурному, военно-стратегическому добавился внутривластный) и, наконец, провинция Мисьонес, которая в 2006 г. отличалась высоким риском лишь по этнокультурному фактору, а к настоящему времени характеризуется высокими рисками еще и по социально-экономическому, внутри- и внешнеполитическим факторам.

Пространственные сдвиги в рисках дезинтеграции в Аргентине можно охарактеризовать следующими тенденциями:

- 1) усиление гетерогенности приграничных северных и северо-восточных провинций;
- 2) поляризация Патагонии.

Как было указано выше, северный фасад государства состоит как из «традиционных», так и «новых» гетерогенных регионов, отличающихся высокой поддержкой действующей киршнеристской администрации, а также в отдельных местностях имеющие исторический опыт дезинтеграции, а в других — повышенную долю коренного населения.

В Патагонии одновременно происходило снижение рисков сразу по нескольким факторам пространственной дезинтеграции в провинциях Чубут, Неукен и Санта-Крус, усиление «чужеродности» Рио-Негро, а также сохранение оторванности Огненной Земли. На текущий период лидерами по рискам пространственной дезинтеграции являются провинции Рио-Негро и Мисьонес. На той же широте, что и Рио-Негро, в Чили находится область Араукания, которая тоже обладает наибольшим риском пространственной дезинтеграции в своей стране. Это наблюдение представляет собой отдельный исследовательский вопрос и очерчивает новые контуры применения методики оценки рисков.

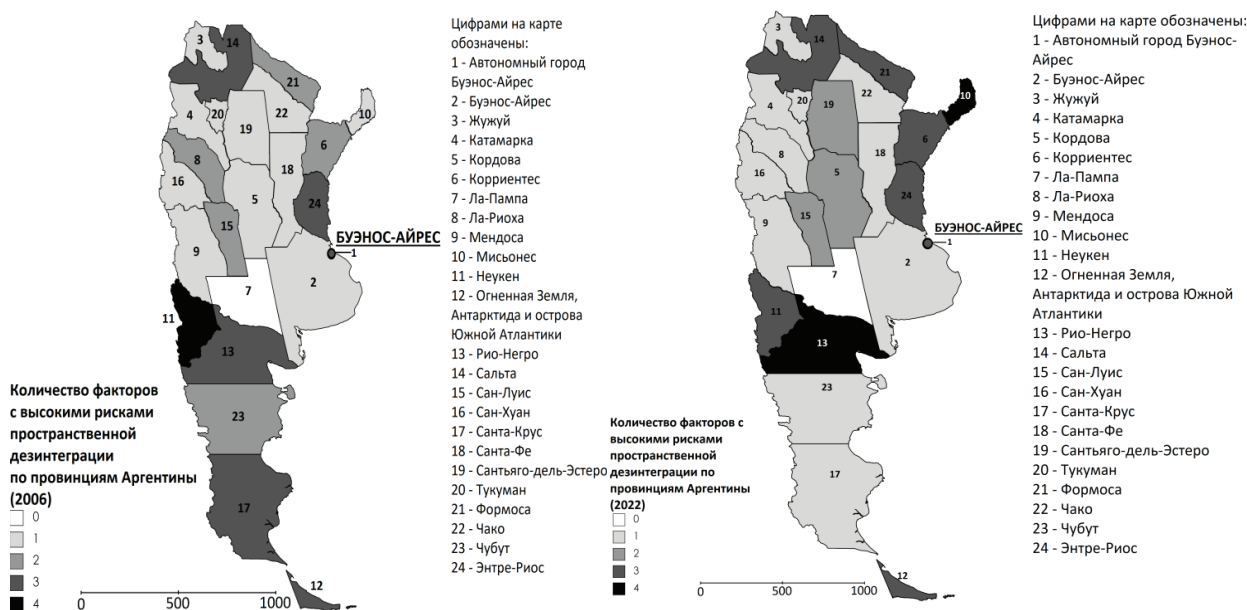

Рис. 3. Риски пространственной дезинтеграции провинций Аргентины, 2006 и 2022 гг.
Fig. 3. Risks of spatial disintegration by provinces of Argentina in 2006 and 2022

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.А., Гореславский С.С. Военно-техническое сотрудничество России со странами Латинской Америки. Потенциал развития и факторы риска. Латинская Америка, 2020. № 9. С. 24–46. DOI: 10.31857/S0044748X0010598-6.
- Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX века). Учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1991. 286 с.
- Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001. 240 с.
- Дубовик В.О. Транспортная система Аргентины. Бюллетень транспортной информации, 2014. № 4 (226). С. 32–37.
- Клещенко Л.Л., Морайта И.А. Коррупция в Аргентине: социально-политические аспекты. Латинская Америка, 2019. № 8. С. 23–34. DOI: 10.31857/S0044748X0005577-3.
- Колосов В.А. Территориально-политическая организация общества: автореф. дис. ... доктора географ. наук. М.: Ин-т географии РАН, 1992. 47 с.

Корольков А.В., Русакова Т.Ю. Военно-техническая политика Аргентины и ее влияние на геополитическую стратегию. Латинская Америка, 2018. № 3. С. 36–44.

Мартынов Б.Ф. Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу. Латинская Америка, 2020. № 2. С. 19–29. DOI: 10.31857/S0044748X0008142-5.

Пятаков А.Н. Военно-технический потенциал Аргентины и сотрудничество с Россией. Латинская Америка, 2015. № 11. С. 20–39.

Скачков В.С., Заяц Д.В. Риски дезинтеграции государственной территории (на примере Мексики, Венесуэлы и Чили). Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2022 (а). № 3. С. 50–61.

Скачков В.С., Заяц Д.В. Оценка рисков пространственной дезинтеграции в государстве с многоядерной территориально-политической структурой (на примере Боливии). Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле, 2022 (б). № 67 (3). С. 475–490. DOI: 10.21638/spbu07.2022.305.

Строганов А.И. Латинская Америка: Страницы истории XX века. М.: URSS, 2023. 208 с.

Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Издательский дом ВШЭ, 2006. 784 с.

Яковлев П.П. Хроническая болезнь аргентинской экономики. Латинская Америка, 2018. № 10. С. 10–24. DOI: 10.31857/S0044748X0001037-9.

Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Президентские выборы в Аргентине. Выбор пути развития. Свободная мысль, 2020. № 1 (1679). С. 106–120.

Яковлева Н.М. Аргентинская модель посткризисного развития. Мировая экономика и международные отношения, 2014. № 2. С. 67–76.

Яковлева Н.М. Страны BRICS и Аргентина: потенциал взаимодействия. Навстречу саммиту в Бразилии. Латинская Америка, 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S0044748X0004363-8.

Behrend J., Bianchi M. Economic structure and sub-national policy in Argentina. SciELO journals, 2017 Dataset. DOI: 10.6084/m9.figshare.5720998.v1.

Cao H., Vaca J. El fracaso de la descentralización Argentina. Andamios, 2007. V. 4 (7). P. 249–267.

Gibson E., Falletti T.G. La unidad a palos: Conflicto regional y los orígenes del federalismo argentino. Postdata, 2007. V. 12. P. 171–204.

González L., Nazareno M. Estados, alianzas y desigualdad subnacional: dos provincias argentinas en perspectiva comparada, 2003–2015. Revista de ciencia política, 2021. V. 41 (1). P. 135–161. DOI: 10.4067/S0718-090X2021005000104.

Hogenboom B. Latin America's transformative new extraction and local conflicts. European Review of Latin American and Caribbean Studies, 2015. V. 99. P. 143–151.

Iñigo C.V. Borders, development and territory in Argentina: Indigenous mobilization in the Central Chaco. Latin American Perspectives, 2020. V. 47 (5). P. 199–211.

Lizcano F. Composición étnica de las tres áreas culturales del Continente Americano al comienzo del siglo XXI. Convergencia, 2005. V. 38. P. 185–232.

Munoz R. Construcción estatal de la cuestión indígena en Chaco (Argentina): Ley de las comunidades indígenas de 1987. E&C, Quito, 2020. V. 11. P. 99–116.

Niembro A., Dondo M., Civitaresi H.M. La manifestación territorial de las desigualdades socioeconómicas en Argentina: Del diagnóstico a las políticas públicas. Población y sociedad, 2016. V. 23 (1). P. 79–123.

Ossola M.M. Jóvenes indígenas y educación superior en Argentina: Experiencias y desafíos del ingreso, la permanencia y la graduación universitaria. Desidades, Rio de Janeiro, 2020. V. 26. P. 39–51.

Rokkan S. Geography, religion, and social class: Crosscutting cleavages in Norwegian politics. Party systems and voter alignments. New York: Free Press, 1967.

Savino L. Landscapes of contrast: The neo-extractivist state and indigenous peoples in “post-neoliberal” Argentina. The Extractive Industries and Society, 2016. V. 3 (2). P. 404–415.

Ungaretti J., Etchezahar E., Barreiro A. Validation of the subtle and blatant prejudice scale towards indigenous people in Argentina. Curr Psychol, 2020. V. 39. P. 1423–1429.

REFERENCES

Alekseeva T., Goreslavsky S. Military-technical cooperation of Russia with the countries of Latin America. Potential for development and risk factors. Latin America, 2020. No. 9. P. 24–46 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0010598-6.

Alperovich M.S., Slezkin L.Yu. History of Latin America (from ancient times to the beginning of the twentieth century). Textbook for students of universities. 2nd ed. Moscow: Higher school, 1991. 286 p. (in Russian).

Behrend J., Bianchi M. Economic structure and sub-national policy in Argentina. SciELO journals, 2017 Dataset. DOI: 10.6084/m9.figshare.5720998.v1.

Buchanan A. Secession. The right to secession, human rights and the territorial integrity of the state. Moscow: Rudomino, 2001. 240 p (in Russian).

Cao H., Vaca J. El fracaso de la descentralización Argentina (The failure of Argentine decentralization). Andamios, 2007 V. 4 (7). P. 249–267 (in Spain).

Dubovik V. The transport system of Argentina. Transport Information Bulletin, 2014. No. 4 (226). P. 32–37 (in Russian).

Gibson E., Falletti T.G. La unidad a palos: Conflicto regional y los orígenes del federalismo Argentino (Unity with sticks: Regional conflict and the origins of Argentine federalism). Postdata, 2007. V. 12. P. 171–204 (in Spain).

González L., Nazareno M. Estados, alianzas y desigualdad subnacional: Dos provincias argentinas en perspectiva comparada, 2003–2015 (States, alliances and subnational inequality: Two Argentine provinces in comparative perspective, 2003–2015). Revista de ciencia política, 2021. V. 41 (1). P. 135–161 (in Spain). DOI: 10.4067/S0718-090X2021005000104.

Hogenboom B. Latin America’s transformative new extraction and local conflicts. European Review of Latin American and Caribbean Studies, 2015. V. 99. P. 143–151.

Iñigo C.V. Borders, development and territory in Argentina: Indigenous mobilization in the Central Chaco. Latin American Perspectives, 2020. V. 47 (5). P. 199–211.

Kleshchenko L., Morayta I. Corruption in Argentina: Socio-political aspects. Latin America, 2019. No. 8. P. 23–34 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0005577-3.

Kolosov V.A. Territorial and political organization of society: Abstract of the dissertation ... Doctor of geographical sciences. Moscow: Institute of Geography of Russian Academy of Sciences, 1992. 47 p. (in Russian).

Korolkov A., Rusakova T. Argentina’s military-technical politics and its influence on geopolitical strategy. Latin America, 2018. No. 3. P. 36–44 (in Russian).

- Lizcano F.* Composición étnica de las tres áreas culturales del Continente Americano al comienzo del siglo XXI (Ethnic composition of the three cultural areas of the American Continent at the beginning of the 21st century). *Convergencia*, 2005. V. 38 (in Spain).
- Martynov B.* Latin American populism: Some relevant thoughts. *Latin America*, 2020. No. 2. P. 19–29 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0008142-5.
- Munoz R.* Construcción estatal de la cuestión indígena en Chaco (Argentina): Ley de las comunidades indígenas de 1987 (State construction of the indigenous question in Chaco (Argentina): Indigenous Communities Law of 1987). *E&C*, Quito, 2020. V. 11. P. 99–116 (in Spain).
- Niembro A., Dondo M., Civitaresi H.M.* La manifestación territorial de las desigualdades socioeconómicas en Argentina: Del diagnóstico a las políticas públicas (The territorial manifestation of socioeconomic inequalities in Argentina: From diagnosis to public policies). *Población y sociedad*, 2016. V. 23 (1). P. 79–123 (in Spain).
- Ossola M.M.* Jóvenes indígenas y educación superior en Argentina: Experiencias y desafíos del ingreso, la permanencia y la graduación universitaria (Indigenous youth and higher education in Argentina: Experiences and challenges of entering, permanence and university graduation). *Desidades*, Rio de Janeiro, 2020. V. 26. P. 39–51 (in Spain).
- Pyatakov A.* Military-technical potential of Argentina and cooperation with Russia. *Latin America*, 2015. No. 11. P. 20–39 (in Russian).
- Rokkan S.* Geography, religion, and social class: Crosscutting cleavages in Norwegian politics. Party systems and voter alignments. New York: Free Press, 1967.
- Savino L.* Landscapes of contrast: The neo-extractivist state and indigenous peoples in “post-neoliberal” Argentina. *The Extractive Industries and Society*, 2016. V. 3 (2). P. 404–415.
- Skachkov V., Zayats D.* Risks of disintegration of the state territory (on the example of Mexico, Venezuela and Chile). *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*, 2022 (a). No. 3. P. 50–61 (in Russian).
- Skachkov V., Zayats D.* Assessing the risks of spatial disintegration in a state with a multinuclear territorial and political structure (on the example of Bolivia). *Vestnik of Saint-Petersburg University. Earth Sciences*, 2022 (b). No. 67 (3). P. 475–490 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu07.2022.305.
- Stroganov A.* Latin America: Pages of the History of the 20th Century. Moscow: URSS, 2023. 208 p. (in Russian).
- Turovsky R.* Political regionalism. Moscow: Publishing House of the HSE, 2006 (in Russian).
- Ungaretti J., Etchezahar E., Barreiro A.* Validation of the subtle and blatant prejudice scale towards indigenous people in Argentina. *Curr Psychol*, 2020. V. 39. P. 1423–1429.
- Yakovlev P.* Chronic disease of the Argentine economy. *Latin America*, 2018. No. 10. P. 10–24 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0001037-9.
- Yakovlev P., Yakovleva N.* Presidential elections in Argentina. Choice of development path. *Free Thought*, 2020. No. 1 (1679). P. 106–120 (in Russian).
- Yakovleva N.* Argentinian model of post-crisis development. *World Economy and International Relations*, 2014. No. 2. P. 67–76 (in Russian).
- Yakovleva N.* BRICS countries and Argentina: Potential for interaction. Towards the summit in Brazil. *Latin America*, 2019. No. 4. P. 5–19 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0004363-8.